

Научная статья

Научная специальность

5.1.4 «Уголовно-правовые науки»

УДК 343.4

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2025.4.110>

ПОДРЫВ АВТОРИТЕТА ОРГАНОВ ВЛАСТИ ИЛИ АВТОРИТЕТА НАЧАЛЬНИКА КАК ПОСЛЕДСТВИЕ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

© Ламтюгин В. И.¹, Шиханов В. Н.², 2025

¹ Иркутское региональное отделение Всероссийского экологического движения «Экосистема», г. Иркутск, Россия

² Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск, Россия

Отмечается, что в судебно-следственной практике на протяжении многих лет наблюдается распространенный подход к квалификации должностных преступлений, когда в качестве важного аргумента для привлечения должностных лиц к ответственности за нарушения, допущенные ими по службе, приводится факт наступления такого общественно опасного последствия, как «подрыв авторитета (органов внутренних дел, органов здравоохранения, образования и т. п.)». Определено, что отношение судов, в том числе и Верховного Суда РФ, к такому аргументу не является однозначным. В исследовании использовались как общенаучные методы (анализ, синтез, сравнение, наблюдение), так и методы юридической науки (формально-юридический, элементы дискурс-анализа). Утверждается, что «авторитет» в вопросах управления до сих пор важен в военно-служебной сфере вследствие специфики этих отношений, однако и там он относится к авторитету конкретного начальника (командира). Сделан вывод о том, что в остальных сферах государственного и муниципального управления, в том числе в вопросах хозяйственных, авторитет органа власти или учреждения не защищается законом и не относится к охраняемым интересам общества или государства, а потому ущерб такому авторитету не может признаваться общественно опасным последствием для должностных преступлений. Установлено, что в ряде случаев наряду с другими обстоятельствами дискредитация органов власти вследствие противоправных действий должностных лиц может быть признана частью причинной связи при наступлении общественно опасных последствий.

Ключевые слова: авторитет власти, дискредитация органов публичной власти, подрыв авторитета, должностное преступление, оценочный признак, общественно опасное последствие.

UNDERMINING THE AUTHORITY OF GOVERNMENT BODIES OR THE AUTHORITY OF A SUPERIOR AS A CONSEQUENCE OF OFFICIAL CRIMES

© Lamtyugin V. I.¹, Shikhanov V. N.², 2025

¹ Irkutsk Regional department Ecological association "EcoSystem", Irkutsk, Russian Federation

² Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation

For many years, judicial and investigative practice has observed a common approach to the qualification of official crimes, where the fact of such a publically dangerous consequence as “undermining the authority of (internal affairs bodies, healthcare bodies, educational institutions, etc.)” is cited as an important argument for holding officials accountable for violations committed during their service. However, the attitude of courts, including the Supreme Court of the Russian Federation, towards this argument is not unambiguous. The purpose to identify the features of using the category “authority of power” and its undermining as a result of the official’s illegal actions in judicial and investigative practice. In the process of working on the research, both general scientific methods (analysis, synthesis, comparison, observation) and methods of legal science (legal-dogmatic, discourse-analyses) were used. The conducted research allows us to state that “authority” in matters of management is still important in the military-service sphere due to the specifics of these relations, but even there it refers to the authority of a specific superior (commander). In other areas of state and municipal administration, including economic matters, the authority of a government body or institution is not protected by law and does not belong to the protected interests of society or the state, and therefore damage to such authority cannot be recognized as a socially dangerous consequence of official crimes. However, in some cases, along with other circumstances, the discrediting of government bodies due to the illegal actions of officials may be recognized as part of the causal relationship in the event of publically dangerous consequences.

Keywords: authority of the government body, discrediting public authorities, undermining authority, official crime, evaluative feature, publically dangerous consequence.

Большинство составов так называемых должностных преступлений, ответственность за которые предусмотрена в гл. 30 УК РФ, по конструкции объективной стороны относятся к «материальным». Это означает, что для привлечения виновного лица к уголовной ответственности должны наступить общественно опасные последствия.

Общественно опасные последствия – это вредные изменения в охраняемых уголовным законом общественных отношениях, которые причиняются действиями (бездействием) виновного лица (с признаками субъекта преступления) [6, с. 158]. Ради предотвращения именно таких вредных последствий вводится конкретный уголовно-правовой запрет. В составах злоупотребления должностными полномочиями (ст. 285 и с некоторыми особенностями – ст. 285.4 УК РФ), превышения должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), неисполнения сотрудниками органов внутренних дел приказа начальника (ст. 286.1 УК РФ), присвоения должностного лица (с некоторыми особенностями, ст. 288 УК РФ), в квалифицированном служебном подлоге (ч. 2 ст. 292 УК РФ), простом составе халатности (ч. 1 ст. 293 УК РФ) используется оценочный признак общественно опасных последствий, указывающий на существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства.

Оценочный и альтернативный характер названного признака объективной стороны должностных преступлений предполагает, что принятие решения о том, какие права, законные интересы, охраняемые законом интересы общества или государства нарушены, а также вывод о существенности их нарушения необходимо делать в каждом конкретном случае, по каждому уголовному делу. В этом нет неопределенности правовой нормы или нарушения принципа равенства граждан перед законом. Конституционный Суд РФ высказывался об этом неоднократно (например, в своих определениях от 15 апреля 2008 г. № 260-О-О, от 23 марта 2010 г. № 368-О-О, от 24 декабря 2012 г. № 2400-О, от 27 сентября 2018 г. № 2221-О и др.).

В частности, в п. 2.2 определения Конституционного Суда РФ от 27 сентября 2018 г. № 2221-О находим: «Вопрос о применении оценочных понятий (в том числе для установления того, являются ли те или иные последствия, наступившие в результате преступления, тяжкими) разрешается в каждом случае судом с учетом

обстоятельств дела; при этом судья, применяя общее правовое предписание к конкретным обстоятельствам, принимает решение в пределах предоставленной ему свободы усмотрения»¹. Далее в том же пункте находим и такое утверждение, что в сфере применения уголовного закона усмотрение суда (а значит, и правоприменителей из числа органов исполнительной власти) не может быть и произвольным.

Вместе с тем вопросы к порядку установления рассматриваемого общественно опасного последствия – как по виду нарушенного права или интереса, так и по его существенности – остаются и в сфере судебно-следственной практики, и среди правоведов.

Одним из проблемных моментов является ссылка на нарушение или подрыв авторитета – конкретного органа публичной власти или его структурного подразделения, учреждения.

Выглядит это приблизительно так: «Указанные преступные действия ФИО повлекли существенное нарушение охраняемых законом интересов общества и государства, поскольку его действия противоречат целям и задачам, связанным с вопросами охраны здоровья граждан, определенных Законом РФ «Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан», а также был подорван авторитет <УЧРЕЖДЕНИЕ>, которое согласно Уставу данного учреждения призвано осуществлять в отношении граждан лечение, диагностику, профилактику и другую медицинскую помощь, обеспечивать качество предоставляемых работ и услуг».

Другой вариант формулировки обвинения: «Вышеуказанные незаконные действия ФИО повлекли существенное нарушение охраняемых законом интересов общества или государства в виде нарушения конституционных принципов законности, верховенства Конституции РФ, федеральных законов, общепринятых принципов и норм международного права, равенства всех перед законом и судом, а именно деяния ФИО подорвали авторитет, доверие и уважение к органам государственной власти в целом и к <ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ ОРГАН> в частности».

Подобные формулировки общественно опасного последствия, наступившего в результате виновных действий должностного лица, встре-

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шерманова Евгения Васильевича на нарушение его конституционных прав частью первой и пунктом «в» части третьей статьи 286 Уголовного кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 27 сент. 2018 г. № 2221-О // Консультант-Плюс : справочная правовая система.

чаются в значительном количестве обвинительных заключений, а также в немалом количестве обвинительных приговоров, в особенности когда они не прошли через вышестоящие инстанции судебной системы.

В частности, на это в 2006 г. обращал внимание А. В. Шнитенков [11, с. 24], а позже – один из авторов настоящей статьи в совместной работе со своим коллегой [8, с. 47–48].

Однако, например, еще 26 марта 2003 г. законность такого подхода к описанию общественно опасных последствий была поставлена под сомнение Президиумом Верховного Суда РФ по результатам рассмотрения надзорной жалобы по уголовному делу в отношении З., осужденного Верховным судом Республики Бурятия по ч. 1 ст. 285 и п. «в» ч. 4 ст. 290 УК РФ. Суд указал, что «подрыв авторитета органов власти **сам по себе не является существенным** вредом и не свидетельствует о наличии в действиях З. данного состава преступления. Что касается иных условий, связанных с причинением, например, имущественного вреда, то они органами следствия осужденному не вменялись. При таких обстоятельствах судебные решения в части, касающейся осуждения З. по ч. 1 ст. 285 УК РФ, подлежат отмене с прекращением производства по делу за отсутствием в его действиях состава преступления (выделено нами. – В. Л., В. Ш.)»¹.

В свою очередь, Четвертый кассационный суд общей юрисдикции 14 января 2025 г. отменил приговор Шахтинского городского суда Ростовской области в отношении Ко., а также апелляционное определение Ростовского областного суда, которыми Ко. был осужден за преступление, предусмотренное п. «е» ч. 3 ст. 286 УК РФ. Отменяя решения нижестоящих судебных инстанций, Кассационный суд указал: «...в приговоре не приведено, какими конкретно правовыми нормами, которые нарушил Ко., охраняется авторитет органа государственной власти, в чем конкретно выразился подрыв указанного авторитета. Сотрудники учреждения, осведомленные о содеянном Ко., а также осужденные, содержащиеся в ФКУ ИК-... ГУФСИН России по Ростовской области, в лице которых, по мнению суда, указанный авторитет был подорван, на этот предмет не допрашивались»².

¹ Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 26 марта 2003 г. № 51п2003 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

² Кассационное определение Четвертого кассационного суда Российской Федерации от 14.01.2025 по делу № 77-24/2025 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

Подобная позиция содержится в апелляционном определении судебной коллегии по уголовным делам Забайкальского краевого суда от 22 января 2025 г. по уголовному делу в отношении До. и Се., обвинявшихся в совершении преступления, предусмотренного п. «а», «г» ч. 3 ст. 286 УК РФ³.

В целом накопленный массив судебной практики Верховного Суда РФ, а также судов апелляционной и кассационной инстанций позволяет достаточно легко обнаружить значительное количество решений, где суды прекращают уголовное преследование осужденных должностных лиц, указывая на то, что «подрыв авторитета органа власти (учреждения и т. д.)» недостаточен для общественно опасного последствия в объективной стороне должностного преступления.

Устойчивость же практики органов предварительного следствия, которые продолжают вменять в вину последствие в виде подрыва авторитета органа публичной власти или учреждения, в этом вопросе может быть объяснена известной инертностью (что для правоприменения в целом неплохо, однако не в данном случае), а возможно, и дискуссионностью рассматриваемой проблемы в доктрине уголовного права, ведь немало правоведов отстаивает соответствующую точку зрения [4, с. 108; 5; 9, с. 11; 7, с. 15].

Выскажемся и мы по этой ситуации. То обстоятельство, что усмотрение правоприменителя при толковании и установлении рассматриваемого нами оценочного признака общественно опасных последствий не может быть произвольным, позволяет нам обратиться к этой правовой позиции, но с уточнением, важным для поднятой проблемы.

В соответствии с п. 3.4 постановления Конституционного Суда РФ от 21 января 2010 г. № 1-П «**в российской судебной системе толкование закона высшими судебными органами** оказывает существенное воздействие на формирование судебной практики. По общему правилу, оно фактически – исходя из правомочий вышестоящих судебных инстанций по отмене и изменению судебных актов – **является обязательным для нижестоящих судов** (выделено нами. – В. Л., В. Ш.) **на будущее время**. Вместе с тем в качестве правового последствия такого толкования в тех случаях, когда в силу общепра-

³ Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Забайкальского краевого суда от 22 янв. 2025 г. по делу № 1-125/2024 // Материалы Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.

вовых и конституционных принципов возможно приданье ему обратной силы, допускается пересмотр и отмена вынесенных ранее судебных актов, основанных на ином толковании примененных норм (выделено нами. – В. Л., В. Ш.)»¹.

Из этой и ряда других позиций Конституционного Суда РФ однозначно следует, что официальное судебное толкование (как нормативное, так и по конкретным уголовным делам) в случае придания ему признаков общедоступности (должны публиковаться, полагаем, в «Бюллетеине Верховного Суда Российской Федерации» и на официальном сайте высшей судебной инстанции) применяется в том числе с учетом положений о времени совершения преступления (ст. 9 УК РФ) и обратной силе уголовного закона (ст. 10 УК РФ).

Подтверждением является письмо Верховного Суда РФ от 10 июля 2015 г. № 7-ВС-4284/15, где в третьем абзаце Суд высказывает о порядке квалификации преступных действий по сбыту наркотических средств и психотропных веществ, учитывая, что новый подход существенно ухудшил положение обвиняемых в сравнении с предыдущим. Суд пишет: «С учетом названной позиции Конституционного Суда Российской Федерации, разъяснения, сформулированные Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в абзаце 1 пункта 13 и пунктах 13¹, 13², 15¹ постановления от 15 июня 2006 года № 14 (в редакции постановления № 30 от 30 июня 2015 года), обязательны для нижестоящих судов применительно к рассмотрению уголовных дел о преступлениях, совершенных после 30 июня 2015 года»².

Зачем мы рассуждаем об этом и причем здесь вопрос о подрыве авторитета органов государственной власти или учреждений в объективной стороне должностных преступлений? Дело в том, что Пленум Верховного Суда РФ (далее – Пленум) в п. 18 своего постановления от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий»³ (далее – ППВС № 19) ориентирует

правоприменителей именно в вопросе установления рассматриваемого нами оценочного признака общественно опасных последствий. Как мы теперь понимаем, эти разъяснения обязательны для нижестоящих судов, а значит, ориентируют и органы предварительного расследования.

Не занимаясь пространным цитированием ППВС № 19, отметим основные критерии, которые Пленум формулирует в п. 18. Во-первых, необходимо предметно указывать права или интересы, которые были нарушены, т. е. необходимо сослаться на конкретные нормативные предписания, устанавливающие названные права или интересы. Во-вторых, необходимо в каждом случае исследовать существенность их нарушения. В-третьих, важно установить наличие причинной связи и прийти к выводу, что именно виновные действия должностного лица нарушили названное право или интерес, и нарушение оказалось существенным.

Увы, в подавляющем большинстве случаев мы не обнаружим в федеральных законах и принятых в соответствии с ними подзаконных актах норм об авторитете органов публичной власти, государственных и муниципальных учреждений. Нет в них и требований об охране такого авторитета.

Стоит также обратить внимание, что вопрос определения последствий определенного преступного деяния в составах преступления является крайне важным еще и постольку, поскольку в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ характер и размер вреда, причиненного преступлением, является обстоятельством, обязательно подлежащим доказыванию.

В этой связи вопрос относимости «подрыва авторитета органов власти (учреждения)» к разряду общественно опасных последствий составов должностных преступлений (дословно – к охраняемым законом интересам общества или государства), а равно вопрос способов измерения того, каким этот авторитет был до действий (бездействия) обвиняемого, насколько он был снижен, оказывается одновременно важным и для выполнения задач уголовного судопроизводства, и для соблюдения уголовно-правового принципа законности.

Почему же тогда практика вменения в вину по уголовным делам о должностных преступлениях «подрыва авторитета органов власти (учреждения)» оказывается столь устойчивой?

Мы видим причины данного явления в устоявшейся некой привычке юристов относи-

¹ По делу о проверке конституционности положений части 4 статьи 170, пункта 1 статьи 311 и части 1 статьи 312 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Производственное объединение “Берег”», открытых акционерных обществ «Карболит», «Завод “Микропровод”» и «Научно-производственное предприятие “Респиратор”»: постановление Конституционного Суда РФ от 21 янв. 2010 г. № 1-П // Рос. газ. 2010. 10 февр.

² КонсультантПлюс : справочная правовая система

³ Там же.

тельно объема возможных последствий в составе превышения должностных полномочий. Эти причины вызваны предыдущими нормами законодательства, разъяснениями Пленума Верховного Суда СССР, а также работами советских правоведов, поскольку именно на основе вышеперечисленного складывалась теоретическая и практическая база знаний и навыков нынешних авторов и правоприменителей, которые, в свою очередь, передают знания последующим поколениям.

С одной стороны, в УК РСФСР 1926 и 1960 гг., в статьях, устанавливающих ответственность за должностные (служебные) преступления, отсутствует указание на общественно опасные последствия в виде причинения ущерба авторитету органов власти. Однако такое упоминание можно обнаружить в ст. 74 УК РСФСР 1922 г. об ответственности за «деяние, направленное к нарушению правильного функционирования подчиненных органов управления или народного хозяйства, вызывающее ослабление силы и **авторитета власти** (выделено нами. – В. Л., В. Ш.)»¹. Если принимать во внимание исторические, политические и социальные процессы в это время, а также само политизированное содержание первого кодифицированного акта новой, на тот момент, власти, становится понятным, почему сугубо неюридический термин «авторитет власти» был закреплен в диспозиции правовой нормы и официально взят под уголовно-правовую охрану.

И хотя в диспозициях статей уголовных законов 1926 и 1960 гг. об ответственности за должностные (служебные) преступления данная формулировка не встречается, в доктрине советского уголовного права последствие в виде причинения ущерба авторитету органов власти вполне закономерно продолжало звучать (в частности, в работах В. И. Соловьева Б. В. Здравомысюла, Б. В. Волженкина) [10; 3, с. 60; 1, с. 144].

Разумеется, относилось такое последствие к общественно опасному и на уровне практики судов непосредственно в обвинительных приговорах. Такая сложившаяся практика органов предварительного следствия и судов нашла свое отражение и в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. № 4, где было сказано: «Судам необходимо иметь в виду, что вред может выражаться в причинении не

¹³ Уголовный кодекс РСФСР : утв. постановлением от 1 июня 1922 г. (утратил силу) // Кодекс : электрон. фонд нормативно-технической и нормативно-правовой информации.

только материального, но и иного вреда: в нарушении конституционных прав и свобод граждан, подрыве авторитета органов власти...»².

Следовательно, как минимум позиция вышестоящих судов в рассматриваемом вопросе начала заметно изменяться в период между 1990 и 2003 гг., и далее этот процесс продолжал усиливаться, в первую очередь через практику вышестоящих судов.

Не вдаваясь в подробный анализ конституционно-значимых связей между политическим режимом, идеологией, с одной стороны, и признанием/непризнанием авторитета органов публичной власти или учреждений в качестве самостоятельной социально-правовой ценности, с другой, отметим важный аспект. В настоящее время в ст. 13 Конституции РФ имеется запрет на установление государственной идеологии, отчего в действующем законодательстве отсутствуют нормы, которые в условиях демократического общества установили бы право органов публичной власти или учреждений на защиту их авторитета от критики.

В соответствии с п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», «государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в средствах массовой информации в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий. Критика в средствах массовой информации должностных лиц (профессиональных политиков), их действий и убеждений сама по себе не должна рассматриваться во всех случаях как действие, направленное на унижение достоинства человека или группы лиц, поскольку в отношении указанных лиц пределы допустимой критики шире, чем в отношении частных лиц»³.

Таким образом, критика в адрес отдельных должностных лиц или их руководителей, вызванная в том числе фактами совершения правонарушений по службе, сама по себе не может рассматриваться как угроза для функционирования публичной власти в целом или отдельных ее сегментов и тем самым автоматически пере-

² КонсультантПлюс : справочная правовая система.

³ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июля 2011 г. № 11 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

водить такие правонарушения в разряд преступлений. В свою очередь, органы публичной власти должны поддерживать свою деятельность на требуемом уровне в рамках правового поля, соблюдая конституционно значимый принцип законности.

Может показаться уместным использовать оборот «подрыв авторитета органов публичной власти (учреждения)» в случае, когда нарушение по службе вызвало общественный резонанс, массовые беспорядки или протестные акции. Наша позиция и в этом случае остается прежней: именно последние общественные реакции нужно признавать общественно опасными последствиями и связывать причинной связью с виновными действиями (бездействием) должностного лица, тем более что в составах должностных преступлений такая связь не является прямой (действие признается не главной причиной, а главным условием наступления вредных последствий) [2, с. 19–20].

Вместе с тем существует риск подмены понятий, в составе которых имеется слово «авторитет», а также неоправданного переноса сделанных нами выводов на те сферы общественных отношений, которые выстроены на иных принципах.

Сказанное относится в первую очередь к военно-служебным отношениям, где важны строгая субординация, дисциплина и беспрекословное выполнение приказа начальника для выполнения поставленных задач. Обратим, однако, внимание на то, что военно-служебное законодательство и связанные с ним положения уголовного закона оперируют не авторитетом органа власти или учреждения, а авторитетом командира (начальника).

Так, в п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» указано, что «под существенным вредом интересам службы в статье 332 УК РФ следует понимать, в частности, **подрыв авторитета командира (начальника)**, срыв выполнения учебно-боевых задач, нарушение конституционных прав и свобод личности. В тех случаях, когда суд в обоснование наличия существенного вреда интересам службы ссылается на подрыв авторитета начальника, в приговоре следует указать, какие конкретно обстоятельства свидетельствовали об этом. Например, формирование в подразделении **негативного отношения к командиру**, выразившееся в **отказе** других военнослужа-

щих также **ему подчиняться** (выделено нами. – В. Л. В. Ш.)»¹.

Важным представляется и то, что: а) подрыв авторитета начальника – это цель, негативный результат преступного деяния, на которое непосредственно направлена объективная сторона в ст. 332 УК РФ (неисполнение приказа); б) подрыв авторитета связан с объективными и конкретными обстоятельствами реальной действительности, свидетельствующими о подрыве авторитета, и не существует в отрыве от них.

Есть и иные сферы, поставленные под охрану в том числе уголовного закона, где существенное значение приобретает имидж или авторитет Российской Федерации в целом, а также Вооруженных Сил Российской Федерации, иных войск и воинских формирований. Однако и в этих случаях законодатель использует другие термины – «дискредитация применения» (ст. 280³ УК РФ), «распространение заведомо ложной информации» (ст. 207³, ст. 354¹ УК РФ), «публичное оправдание» (ст. 205², ст. 281³ УК РФ). Дискредитация и очернение образа в глазах населения других стран, международных сообществ, граждан Российской Федерации здесь оказываются целью в рамках ведения информационной войны, могут быть направлены на возникновение вооруженных конфликтов, их масштабирование либо на совершение преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства.

Следовательно, проводить параллели между этими охраняемыми уголовным законом ценностями, с одной стороны, и подрывом авторитета органов публичной власти (учреждения), который в судебно-следственной практике используют в объективной стороне должностных преступлений, с другой, на наш взгляд, неверно: это будет являться нарушением логического закона тождества. Полагаем, для каждой сферы общественных отношений должны использоваться соответствующие режимы правового регулирования и уголовно-правовой охраны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волженкин Б. В. Служебные преступления. М. : Юристъ, 2000. 368 с.
2. Егорова Н. А. Теоретические проблемы уголовной ответственности за преступления лиц, выполняющих управлеческие функции : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. Саратов, 2006. 62 с.

¹ О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 18 мая 2023 г. № 11 // КонсультантПлюс : справочная правовая система.

3. Здравомыслов Б. В. Должностные преступления. Понятие и квалификация. М. : Юрид. лит., 1975. 168 с.
4. Иванчин А. В., Каплин М. Н. Служебные преступления : учеб. пособие. Ярославль : Ярослав. гос. ун-т, 2018. 119 с.
5. Кашкаров А. А. Авторитет органа публичной власти как системообразующий признак должностной преступности // Общество и право. 2017. № 1 (59). С. 46–49.
6. Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений : лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». Городец, 2007. – 332 с.
7. Матвеев И. В. Использование лицом служебного положения как признак состава коррупционного преступления : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4. Екатеринбург, 2024. 238 с.
8. Никонов П. В., Шиханов В. Н. Теория и практика квалификации должностных преступлений (Глава 30 УК РФ). Изд. 2-е, перераб. и доп. СПб. : Юрид. центр, 2021. 774 с.
9. Снежко А. С. Превышение должностных полномочий: законодательный и правоприменительный аспекты : По материалам судебной практики Краснодарского края : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Краснодар, 2004. 21 с.
10. Соловьев В. Что понимать под существенным вредом // Советская юстиция. 1970. № 2. С. 14–15.
11. Шнитенков А. В. Ответственность за преступления против интересов службы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. Омск, 2006. 39 с.
- REFERENCES**
1. Volzhenkin B.V. *Sluzhebnye prestupleniya* [Official Crimes]. Moscow, Yurist Publ., 2000, 368 p. (in Russian).
  2. Egorova N.A. *Teoreticheskie problemy ugolovnoy otvetstvennosti za prestupleniya lits, vypolnyayushchikh upravlencheskie funktsii* [Theoretical Problems of Criminal Liability for Crimes Committed by Persons Performing Managerial Functions]. Dr. sci. diss. abstr. Saratov, 2006, 62 p. (in Russian)
  3. Zdravomyslov B.V. *Dolzhnostnye prestupleniya. Ponyatiye i kvalifikatsiya* [Official Crimes. Concept and Qualification]. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1975, 168 p. (in Russian)
  4. Ivanchin A.V., Kaplin M.N. *Sluzhebnye prestupleniya* [Official Crimes: Textbook]. Yaroslavl, Yaroslavl State University Publ., 2018, 119 p. (in Russian)
  5. Kashkarov A.A. Avtoritet organa publichnoy vlasti kak sistemobrazuyushchiy priznak dolzhnostnoy prestupnosti [Authority of a Public Power Body as a System-Forming Feature of Official Crime]. *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], 2017, no. 1(59), pp. 46–49. (in Russian)
  6. Kuznetsova N.F. *Problemy kvalifikatsii prestupleniy: lektsii po spetskursu "Osnovy kvalifikatsii prestupleniy"* [Problems of Crime Qualification: Lectures on the Special Course "Basics of Crime Qualification"]. Moscow, Gorodets Publ., 2007, 332 p. (in Russian)
  7. Matveev I.V. *Ispolzovanie litsom sluzhebnogo polozheniya kak priznak sostava korruptsionnogo prestupleniya* [Use of Official Position as an Element of Corruption Crime]. Cand. sci. diss. Yekaterinburg, 238 p. (in Russian)
  8. Nikonov P.V., Shikhanov V.N. *Teoriya i praktika kvalifikatsii dolzhnostnykh prestupleniy (Glava 30 UK RF)* [Theory and Practice of Qualification of Official Crimes (Chapter 30 of the Criminal Code of the Russian Federation)]. 2nd ed., revised and supplemented. St. Petersburg, Legal Center Publ., 2021, 774 p. (in Russian)
  9. Snezhko A.S. *Previschenie dolzhnostnykh polnomochiy: zakonodatelnyy i pravoprimeitnyy aspekty: Po materialam sudebnoy praktiki Krasnodarskogo kraya* [Exceeding Official Authority: Legislative and Law Enforcement Aspects: Based on the Judicial Practice of the Krasnodar Territory]. Cand. sci. diss. abstr. Krasnodar, 2004, 21 p. (in Russian)
  10. Solov'yev V. Chto ponimat pod sushchestvennym vremenem [What to Understand by Significant Harm]. *Sovetskaya yustitsiya* [Soviet Justice], 1970, no. 2, pp. 14–15. (in Russian)
  11. Shnitenkov A.V. *Otvetstvennost za prestupleniya protiv interesov sluzhby* [Liability for Crimes Against the Interests of Service]. Dr. sci. diss abstr. Omsk, 2006, 39 p. (in Russian).

Ламтюгин Владислав Иванович – заместитель председателя, Иркутское региональное отделение Всероссийского экологического движения «Экосистема» (Россия, 664007, г. Иркутск, ул. Декабрьских Событий, 102/1), ORCID: 0009-0003-0562-5421, РИНЦ Author ID: 1317209, e-mail: vllamtyugin@mail.ru

Lamtyugin Vladislav Ivanovich – Deputy Chairman, Irkutsk Regional department Ecological association "EcoSystem" (102/1, Decabrskykh Sobytyi st, Irkutsk, 664007, Russian Federation), ORCID: 0009-0003-0562-5421, RSCI Author ID: 1317209, e-mail: vllamtyugin@mail.ru

Шиханов Владимир Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации (Россия, 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1), ORCID: 0000-0002-9751-0714, SPIN-код РИНЦ: 5789-7320, РИНЦ Author ID: 517129, e-mail: ShikhanovVN@Rambler.ru

Shikhanov Vladimir Nikolaevich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Chair of Criminal Law, Irkutsk Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russia (1, Shevtsov st., Irkutsk, 664035, Russian Federation), ORCID: 0000-0002-9751-0714, RSCI SPIN-code: 5789-7320, RSCI Author ID: 517129, e-mail: ShikhanovVN@Rambler.ru

Вклад авторов

Ламтюгин Владислав Иванович – сбор и обработка материала, обобщение судебной практики, работа с нормативными актами, редактирование статьи (внесение замечаний интеллектуального содержания), написание текста (обсуждение результатов и выводы), утверждение окончательного варианта статьи.

Шиханов Владимир Николаевич – концепция исследования (формирование идеи, формулировка ключевых целей и задач), сбор и обработка материала, обобщение судебной практики, работа с нормативными актами, редактирование статьи (внесение замечаний интеллектуального содержания), написание текста (обсуждение результатов и выводы), утверждение окончательного варианта статьи.